

Тимо Ю.Виртанен

Ингерманландский продукт: процессы и проекты. Этнологический взгляд на уровни активности.

Лишь около трех недель прошло после нашей встречи в Санкт-Петербурге, как я получил проект закона об Ингерманландских реэмигрантах Министерства Внутренних дел Финляндии (Inkerinsuomalaisten... 1996), проект, о котором я говорил на семинаре.

Тем не менее, я хотел бы продолжить дискуссию, начатую в Санкт-Петербурге, и добавить немного информации в свой научный доклад. Недавно наш институт (Этнологии) сосредоточился на научных исследованиях проблем этничности и культурных контактов, особенно культурной конфронтации в повседневной жизни (Everyday Life and Ethnicity... 1994).

Хотя концепция гражданского общества не является центральной для финской этнологии, я попытаюсь не отходить от темы семинара. Идея промежуточного уровня (позднее - среднего уровня), которая используется в этнологии, известна также из классических подходов к изучению гражданского общества. В данном случае я не хочу повторять наших этнологических и антропологических дискуссий об интеграции, природе этносов и их культурном расположении.

Я принимаю участие в финско-русском проекте "Ингерманландия и ингерманландцы" (Virtanen 1996). Предмет моего исследовательского интереса - история ингерманландцев (Eriksen, 1994, pp. 11-12). В рамках проекта изучается не только городская жизнь ингерманландцев, как в нашей прошлой работе с русскими и эстонцами (Everyday Life and Ethnicity... 1994), но также деревенская (в селениях по соседству с Санкт-Петербургом), а также в городах Турку и Тарту. Основная тема исследования - биографии. Мы собираем рассказы о жизни (life stories) и прослеживаем индивидуальные корни людей, воссоздавая их этническую идентификацию через время и пространство, через повседневную жизнь. Эти рассказы о жизни необходимо рассматривать в связи с культурной и этнической конфронтацией, в контексте отношений между большинством и меньшинством, в контексте жизненных стратегий, адаптации и интеграции (См. Toivonen-Malinen-Lehtonen, 1994). Объектом нашего исследования является также традиционная народная культура, определенная в зданиях, еде, одежде и т.д. Я не буду обсуждать этот аспект проекта здесь. Проект координируется кафедрой культурных исследований университета г.Турку (этнология и фольклористика) и партнерами из Академии наук России и Эстонии, университетов Санкт-Петербурга и Тарту, а также из некоторых музеев. Поле исследования находится в Турку, Тарту и в северной Ингерманландии Токсовского прихода. В Токсовском приходе поле охватывает старые небольшие финско-говорящие деревни (Токсово, Кузьмолово, Рапполово, Куйвази, Хиттолово, Осельки, Сярьги и некоторые другие), находящиеся около тридцати километров севернее Санкт-Петербурга. Сейчас в этом районе несколько сотен зарегистрированных членов финской церкви. Это не значит, что все они говорят по-фински. Пожилые говорят по-фински, а молодое поколение больше по-русски. Итак, область наших исследований охватывает наиболее важные регионы проживания ингерманландцев.

Сибирь пока не входит в область наших исследований, хотя там имеется огромный материал, касающийся повседневной жизни рыбацких и лесных поселков. Тем не менее, проект может соответствовать требованиям "третьей альтернативы". Согласно Лаури Хонко (Honko 1990), "третья альтернатива" означает, что, кроме интервью среди реэмигрантов и работы в архивах, мы будем производить полевые исследования в Ингерманландии. Традиция индивидуальных полевых этнографов меняется: после распада Советского Союза было несколько попыток организовать совместные экспедиции русских и эстонских исследователей.

Тема моего выступления на этом семинаре выбрана не случайно. Во-первых, говорить

об ингерманландцах нужно именно в Санкт-Петербурге, поскольку этот город является столицей Ингерманландии. Во-вторых, как я уже сказал, мы проводили полевую работу со студентами в течение 1994-1995 годов в Ленинградской области. Третья причина – это положение реэмигрантов. Весь миграционный процесс – это серия интересных эпизодов во взаимоотношениях между Финляндией и Советской Россией. Министр Внутренних Дел Энстам 18 октября 1995 года создал группу для разработки парламентской программы по адаптации иностранцев и политике по отношению к беженцам. 24 ноября задача рабочей группы была расширена. Теперь она должна была выдвинуть предложение о критериях определения этнического происхождения по отношению к ингерманландцам. Прежде, чем это новое постановление примет статус закона, его будут обсуждать на разных уровнях государственной бюрократии. Все варианты мнений по этому вопросу уже были отмечены в телевизионном выступлении президента Мауно Койвисто в 1990 году. Старое решение этого вопроса более или менее соответствовало политике трудовых ресурсов начала 1990-х годов. В течение последних пяти лет около 14 тысяч ингерманландских реэмигрантов переехало в Финляндию из России и Эстонии. До нового предложения и определения статуса ингерманландцев в финских СМИ прошла шумная дискуссия по этому вопросу. С одной стороны, раздавались позитивные голоса о помощи своему народу (ингерманландцам) в их нищете и в потребности строительства церквей. С другой стороны, имели место дискуссии о преступниках и поддельных паспортах. До 1996 года определение этничности было основано на различных возможностях доказать свое ингерманландское происхождение.

Сейчас правила будут ужесточены так, чтобы количество реэмигрантов не превышало более двух тысяч в год, и каждый из них должен доказать, что он или она, родители, или хотя бы двое из прародителей, были финского происхождения. Существуют также другие возможности доказать свою принадлежность к Финляндии, связанные с положением и статусом во время войны.

Я упомянул политику в сфере труда, однако отношения к реэмигрантам могут определяться и общечеловеческими, и личными интересами. Бывший президент Финляндии, мистер Койвисто, во время своего пребывания в Турку в течение нескольких месяцев жил в ингерманландской семье. Согласно нашим интервью, он многое узнал об Ингрии в то время. Поэтому, наряду с официальным государственным уровнем, в основании "настоящей правды" может лежать также индивидуальный фактор.

В связи с этим я хотел бы прокомментировать заглавие своего текста. Продукт, о котором идет речь (ингерманландский феномен), конструируется культурными процессами, подразумевающими временные и пространственные границы (такие как миграция и адаптация, языковая борьба и демографические процессы), и более мелкими проектами (такими как строительство церквей, открытие магазинов подержанных товаров, языковых курсов). Тем не менее, не всегда возможно идентифицировать составляющие этого продукта, этих процессов или конкретного субъекта. К сожалению, то знание, которое получил мистер Койвисто, является более или менее редким для современной государственной бюрократии. Разные люди проживают свои жизни на разных уровнях. Это ясно, когда мы говорим о культурной оси: пожилая ингерманландка, живущая в Токсово и финский министр, решающий проблемы ее повседневной жизни, – обычно они достаточно мало знают о повседневной жизни друг друга, хотя в прессе обычно используется социально-политическая риторика претендующая на утверждение обратного. К сожалению, плотность повседневной жизни и богатство этнографии очень далеки от этого дискурса. Эти люди принадлежат одному и тому же феномену, но участвуют в различных процессах и проектах. Очевидно, что в некоторых случаях проекты, действующие в рамках одного и того же процесса, могут быть противоположно направленными. Все эти проекты могут быть невидимы друг для друга. Так, например, люди обсуждают "*aburaha*" (эстонский термин, обозначающий социальную денежную помощь) и

реабилитацию ингерманландцев, не зная реальной ситуации. Мы можем также утверждать, что жители поселка Токсово и реэмигранты в Турку живут в разное этническое время и используют свои рассказы о жизни и свою этничность по-разному (Virtanen, 1994). Они реконструируют свою "примордиальную" (исконную) этничность в контексте своего этнического пространства и времени.

Приведу один пример ситуации в Финляндии. В ноябре 1995 года несколько организаций провели в Турку "семинар ингерманландских реэмигрантов". Они пригласили одного министра, несколько представителей разных министерств, несколько городских официальных лиц и мэра города. Около ста ингерманландских реэмигрантов присутствовали на семинаре, но они только слушали истину, излагаемую этими экспертами. Положение, когда лишь представители власти обладают истиной, а примитивное местное население лишь внимает ей, являясь пассивным объектом воздействия, кажется типичным для дискуссии об ингерманландцах. Конечно, реэмигранты имели возможность задавать вопросы, но в этом обсуждении не было "горизонта понимания". Правда, если быть честным, они получили свое: был приглашен Ингерманландский хор; однако была исполнена лишь одна песня, потому что министр опаздывал и, следовательно, программа концерта была сокращена.

Еще немного об этой стратификации и уровнях ингерманландского феномена. Мое исследование в основном сосредоточено, как я уже говорил, на четырех уровнях: продукт, процесс, проект и индивидуальный субъект (actor). Соответственно ключевыми темами являлись: этничность (Everyday Life and Ethnicity, 1994), национализм (Eriksen, 1994) и повседневная жизнь (Greverus, 1978, Bockhorn, 1987). Различные сочетания пространства, места и времени могут создавать различные культурные группы (Selmer, 1988) этнического продукта. Вот почему ингерманландское меньшинство является наиболее интересным объектом сравнительного исследования. С точки зрения Турку, стигматизированная этничность диаспоры, утратившей родину, постоянно воспроизводит свою идентичность (См. Niedermueller, 1992). "Советско-ингерманландское время" становится "финско-ингерманландским, ингерманландско-русским, финским или русским временем".

Так же, как и множество этнических меньшинств на бывшей Советской территории, ингерманландцы стремятся найти свою культурную идентичность. Во многих случаях эти поиски связаны с финской церковью, новые организации спасения ингерманландской культуры также, в основном, находятся в тесной связи с церковью. Это стало очевидным в Турку и в Токсово. За последние годы группы добровольцев восстановили несколько церквей и построили несколько домов для престарелых в Ингерманландии. В течение последних пяти-шести лет шла дискуссия о реабилитации. В ингерманландском случае результаты, однако, относительно небольшие по сравнению, например, с ситуацией русских немцев, которые вернулись в район Санкт-Петербурга. Эта миграция базируется на финансовом соглашении между Россией и Германией, а также на факте, что эти люди имеют возможность получить землю рядом с городом, если они обязуются обработать ее. Они снова обретают свой дом. По моему мнению, ингерманландская миграция является чем-то другим. Она представляет комплекс воспоминаний, перемещений, реконструкций. Фредерик Барт пишет в своей статье:

"Vi ma tenke generativt, De fenomene vi skall gjore rede for, re sa komplekse at vvi ikke ma tenke ossdem som ting med en form, som vi skallavbkiidde del for del og eventuelt ta fra hverandre som eo maskin eller enorganisme for a vise hvordan delene fungerer samme Vi ma heller tenke oss det vi ser som et komplekst "produkt", et resultat av et samspill av prosesse, og so ma vi prove sa naturtro com mulig modellere de prosessene vi kan oppdage..." (Barth 1994, p. 13).

Барт подчеркивает идею процессуальности этнической идентичности, противопоставляя ее "вещности", примером которой может быть машина или организм. Он считает, что социальный феномен является комплексным продуктом, который должен быть понят как взаимодействие различных процессов. Барт также подчеркивает важность строительства

"мостика" между различными макро- и микроуровнями. Он пишет о среднем уровне (*mellom nive.*). Я хочу прокомментировать другого норвежского антрополога, а именно Хюландта Эриксона, который в своей книге "Этничность и национализм" пишет: "Саами и другие группы, находящиеся в таких же ситуациях, чрезвычайно зависят от межэтнических посредников (brokers), которые могут представлять их интересы в более широком сообществе и которые могут внести свой вклад в формирование позиции властей и мировое общественное мнение" (Eriksen 1993, p. 127).

Как я уже говорил, имеется несколько организаций, представляющих ингерманландцев, таких как "Ингерманландский Союз", но традиционно и до сего дня такими посредниками являются священники. В Санкт-Петербурге и в деревнях кроме священников имеется много дьяконов и других добровольцев. Фактически церковь может быть тем "местом", где различные посредники могут встречаться друг с другом. Во время полевых исследований в 1994-1995 годах у нас было много официальных и неофициальных контактов с представителями церкви и прихожанами. Некоторые из них были слишком заняты, чтобы нам помогать. Однако в Токсовском районе мы бы не справились без их транспортной помощи и помощи в работе с приходскими книгами.

Токсово является центральной деревней, так как там есть церковь. Церковь очевидно является "ключевой точкой" в повседневной этнической жизни. Это этническая арена. Важно помнить, что всего несколько лет назад эта церковь использовалась в качестве кинотеатра и танцевального клуба. Важно и то, что многие индивидуальные действия, предпринятые жителями деревни, были как-то связаны с церковью. Социальная активность в деревнях незначительна, однако она заметна в отношении церкви. Многие люди более не могут посещать церковь по воскресеньям. Тем не менее, они хотят знать, кто там был, что там происходило и пр. Здесь также присутствует идея социального контроля. Обычно рассказывают о тех, кто слишком явно выражал свое стремление получать подарки до и после службы. Их называют настоящими попрошайками (*puistajat*). Те, кто интересуется жизнью прихода, церковные попрошайки и другие активные люди, посещающие церковь, также являются посредниками в формировании этнической идентичности. Они обмениваются адресами, посещают своих финских друзей более часто и знают, что нужно делать тому, кто решит переехать в Финляндию на постоянное место жительства. В самом деле, больше всего обсуждают вопрос: "Ехать или не ехать?"

Все эти посредники - обычные люди, церковнослужители, представители организаций, журналисты и научные работники - являются не только субъектами, но и объектами научного исследования. Они являются теми естественными "мостиками", о которых упоминалось выше. Они создают этнографии реальной повседневной жизни, жизненных стратегий и идентичности. Они являются светскими и не светскими помощниками людям в их бедах. Когда я сравниваю эту ситуацию с положением реэмигрантов в Турку, я снова вижу служителей церкви, а также учителей на языковых курсах или должностных лиц в бюро по трудоустройству, и своих студентов, берущих интервью у этих людей.

Хотя эта новая ситуация в Финляндии отличается от старой, вместе с тем, она ей подобна. Ингерманландцы привыкли находиться "между двумя мирами" (Virtanen, 1996): между Советским Союзом и Финляндией, между Токсово и Сибирью, между русским и финским языками, между русским идеологическим миром и финской ностальгией. Эти люди привыкли находиться в пути, они привыкли к тому, что они "Другие". Когда ингерманландский реэмигрант из Турку едет в Санкт-Петербург, он видит себя следующим образом: "До пересечения границы я русский, через десять минут после пересечения границы я - ингерманландец, а потом я - чухна".

Эти слова выражают путь народа, его путь через время, пространство и этничность. Эти люди - эксперты своей собственной жизни. Размышляя об этом феномене, задаешься вопросом:

какой культурной и этнической группой станут ингерманландцы? Что представляет собой русско-говорящая Ингерманландия поселка Токсово и Санкт-Петербурга? Что представляют собой русско-говорящая и финско-говорящая Ингерманландии города Турку?

Использованная литература

1. Barth, Fredrik 1994: Manifestasjon og prosess. Universitetsforlaget AS. Oslo. Boskhorm, Olaf 1987: Probleme und Moglishkeiten Quellen zur Alltagskultur.
2. Dargestellt am Beispiel einer Umfrage der "k.k. Landwirtschafts – Gesellschaftin Wien." - Osterreichische Zeitschrift fur Volkskunde. New Serie Band XLI. Heft 1.
3. Eriksen, Thomas H. 1993: Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives // Anthropology, Culture and Society. Pluto Press. London.
4. Everyday life and Ethnicity 1994: Everyday life and Enhnicity. Urban Families in Loviisa and Voru 198-199. Ed. by A.Kirveenummi - M.Rasanen - T.J.Virtanen // Studia Fennica Ethnologica 2. SKS. Helsinki.
5. Greverus, Ina-Maria 1978: Kultur und Alltagswelt Eine Einfugrung in Fragen der Kulturantropologie. Verlag C.H.Beck. Munchen.
6. Inkerinsuomalaisten paluumuutto. Maahanmuutto ja pakolaispoliittisen toimikunnan osamietinto - Sisaasiainministerion juklaisu 2/1996. Tarkastettu toinen painos. Helsinki.
7. Niedermuller, Peter 1992: The search for identity Central Europe between tradition and modehnity. Tradition and modernisation ed. by Reimund Kvideland NIF Publications N25 Kaarina p.109-121.
8. Selmer, Jorgen 1988: "Cultural groups" and the study of lifestyles and cultural identity. Tradition and Cultural Identity. Ed. by Lauri Honko. - NIF Publications. No. 20. Turku.
9. Toivonen, Arm - Malinen, Pirkko 1994 - Lehtonen, Terhi 1995: Traditional Folkculture and Encountering Ethnicities: A case study of Ingrian migrants in Turku. Encountering Ethnicities. Ethnological Aspects on ethnicity, identity and migration // Studia Fennica Ethnologica 3. Ed. T.Korhonen. SKS Helsinki.
10. Virtanen, Timo J. 1993: Seeking Ethnic Time in an Urban Context. - Interacting and Urban Ethnology. Ed. Zsuzsa Szarvas. Budapest.
11. Virtanen, Timo J. 1996: Kahden maailman valissa. Turun yliopiston yliopistolehti Aurora 2/1996. Turku.